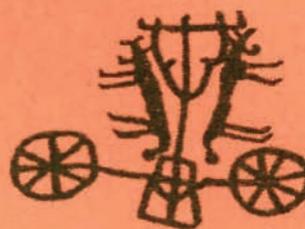

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 178

Т.С. КАЛАНДАРОВ

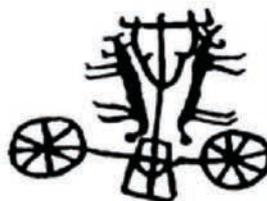
**ПАМИРСКИЕ МИГРАНТЫ-ИСМАИЛИТЫ
В РОССИИ**

Москва
2005

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 178

Т.С. КАЛАНДАРОВ

**ПАМИРСКИЕ МИГРАНТЫ-ИСМАИЛИТЫ
В РОССИИ**

**Москва
2005**

ISBN 5-201-13758-x (39)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 178.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 178

Т.С. КАЛАНДАРОВ

ПАМИРСКИЕ МИГРАНТЫ-ИСМАИЛИТЫ В РОССИИ

---

*Издание осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

Об авторе

КАЛАНДАРОВ, ТОХИР САФАРБЕКОВИЧ – кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН. Основные направления исследований – материальная и духовная культура народов Памира, в частности, исмаилитское вероучение, домусульманские религиозные верования, обряды и культы, религиозный синкретизм, а также проблемы этноконфессиональной идентичности памирских мигрантов.

About the Author

KALANDAROV T.S.

has a candidate of historical sciences degree and is a post-doctoral fellow of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Main research interests are the culture of the Pamir peoples, including Ismailism in particular; pre-Islamic religious belief systems, cults, and customs; religious syncretism; and problems of ethnic and religious identity among the Pamir migrants.

Summary

KALANDAROV T.S. PAMIR ISMAILITE MIGRANTS IN RUSSIA.

The work is a study of Ismailite work migrants that came to Russia from the Gorno-Badakhshan region of Tajikistan. The author analyzes the causes of migrations, the life condition of migrants in Russian towns, and the problems of preservation of their ethnic and religious identity.

НЕМНОГО О ПАМИРСКИХ ИСМАИЛИТАХ

Памир – горная страна в Средней Азии, в пределах Памиро-Алая. Восточная (Мургаб) и западная части Памира расчленены глубокими ущельями рек: на территории первой в основном проживают киргизы, на территории второй, в долинах притоков р. Пяндж, – немногочисленные памирские народы – бартангцы с локальной группой рошорвцев (орошорцев), ваханцы, горонцы, ишкашимцы, рушанцы с локальной группой хуфцами, шугнанцы с локальной группой баджуйцами, язгулемцы.

Родина указанных народов – Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО, образована в 1925 г.), входящая ныне в состав Республики Таджикистан. Область занимает 44,5 % всей площади республики, но только 3 % из них пригодны для проживания населения, численность которого на 2000 г. составляла, по разным оценкам, 206–210 тыс. чел.

Многовековая географическая изолированность от центров цивилизации способствовала тому, что западнопамирские народы сохранили до настоящего времени свои языки, а также многие древние обычаи, которые давно исчезли в других местах Средней Азии. Они говорят на языках и диалектах, принадлежащих к восточноиранской группе языков, в то время как таджикский язык относится к западноиранской группе.

Согласно официальным данным, в Горном Бадахшане функции языка межнационального общения выполняет таджикский язык. Вместе с тем в роли *lingua franca* выступает и шугнанский, поскольку шугнанцы – наиболее многочисленный (на июнь 1997 г. более 100 тыс. чел.) и экономически более развитый народ на Памире¹.

Несмотря на языковые различия, западные памирцы, за исключением язгулемцев, исповедуют *исмаилизм* – одно из направлений шиитского ислама (язгулемцы в прошлом также исповедовали исмаилизм, однако под воздействием ассимиляционных процессов стали суннитами). Исмаилизм – это не только религиозное, но и социально-филозофское учение, проникшее на Памир более десяти столетий назад и играющее в жизни его жителей огромную роль². Памирские исмаилиты принадлежат к низаритскому ответвлению исмаилизма. Сами себя они называют *панджтани*, что в дословном переводе на русский означает «пять особ». Панджтани почитают основателя ислама про-

рока Мухаммада, его двоюродного брата и зятя Али, его дочь Фатиму и внуков Хасана и Хусейна. Символ панджтани – изображение пятерни, руки с расставленными пятью пальцами. Духовный лидер исмаилитов мира – имам Ага-хан IV.

Памирцы – самая сплоченная часть населения Таджикистана. По существу ее можно рассматривать как монолитную, скрепленную этнорелигиозной принадлежностью общину. Глубокое чувство общинной солидарности базируется здесь, во-первых, на традиционной структуре исмаилитской организации, во-вторых, на широко разветвленных родственных и семейно-клановых связях. В ГБАО самый высокий по республике процент сложных многопоколенных семей. Неслучайно говорят, что все памирцы – родственники.

Вопрос о национальной (этнической) принадлежности памирцев тесно связан с этнополитической ситуацией как в Таджикистане в целом, так и в Горном Бадахшане в частности³. Этническую принадлежность жителей Памира следует рассматривать как явление многоуровневое. Первый уровень – этнический, а именно принадлежность к *помири*. Этническое самосознание народов Горного Бадахшана проявляется в их самоназвании – «памирец». (Находясь за пределами ГБАО, они идентифицируют себя как «памирские таджики», определением «памирский» выделяя себя из основной массы этнических таджиков.) Если в прошлом понятие «памирец» было связано с географическим местожительством, то со второй половины XX в. приобрело отчетливое этническое звучание.

Второй уровень – субэтнический, а именно принадлежность памирцев конкретно к шугнанцам, ваханцам, бартангцам и т.д. Многоступенчатое самосознание памирцев проявляется в многоступенчатом самоназвании. Выясняя между собой собственную этническую принадлежность, они обычно называют свой этноним: язгулемцы – *згамик*, рушанцы – *рыхен*, хуфцы – *хуфидж*, шугнанцы – *хугни* и т.д. Вместе с тем, стремясь зафиксировать свою субэтническую принадлежность, бадахшанцы отнюдь не сменяют собственно этническую сущность, т.е. они, как были, так и остаются для «внешнего мира» памирцами.

Как считают некоторые российские исследователи (Л.Ф. Моногарова, В.И. Бушков и др.), в настоящее время на Памире протекает процесс внутренней консолидации памирских народов в новую этническую общность – «помири» (памирцы)⁴. Он обусловлен рядом факторов: 1) проживание этих народов в силу географического положения Па-

мира в условиях изоляции от равнинных районов, 2) сохранение живых восточно-иранских языков, 3) единая религиозная принадлежность к исмаилизму и неприятие его ортодоксальным суннизмом, 4) общность этнических традиций в материальной и духовной культуре, семейном и общественном быту. Немаловажное значение для процесса консолидации имеет и образовательный уровень населения ГБАО. К началу XXI в. здесь отмечался самый высокий в Таджикистане процент лиц с высшим и средним специальным образованием, которые выступают за светское государство и демократию западного образца.

На наш взгляд, правильнее было бы говорить о складывании на Памире не этнической, а *этноконфессиональной* общности⁵. В течение многовековой истории у названных выше родственных по культуре и расселенных на смежных территориях этносов произошло сопряжение одной конфессией – исмаилизмом и в результате этого возникло общее самосознание. При формировании этноконфессиональной общности этническая и религиозная специфика тесно переплелись: этнические свойства стали составными элементами религиозного культа и, наоборот, отдельные элементы культа приобрели характер этнических явлений. Как считают специалисты, формирующееся этническое самосознание у представителей этноконфессиональных общностей, как правило, принимает религиозную оболочку.

* * *

Изложенный выше материал, связанный с этнической и конфессиональной принадлежностью памирцев, отнюдь не случаен. Он помогает понять особенности поведения памирцев в иноэтничной и иноконфессиональной среде, создания ими в российских городах собственных общин, сохранения этнического самосознания и исмаилитской веры.

Проведенное исследование основывается прежде всего на данных региональной общественной организации «Нур» («Свет») в Москве. В основу работы положены также материалы анкетирования и интервьюирования мигрантов, осуществленные автором в разных регионах России, его личные наблюдения. Кроме того, в настоящем исследовании использованы сведения Имомназара Хакназарова – сотрудника «Программы поддержки и развития обществ горных регио-

нов» в ГБАО, которому автор приносит искреннюю благодарность.

Причины миграции и численность мигрантов из ГБАО

В советский период Горно-Бадахшанская автономная область достигла значительных успехов в области образования, здравоохранения и некоторых других социальных сферах. Однако проводившаяся в 1930-е и последующие годы политика индустриализации промышленности и сельского хозяйства этой высокогорной области имела наряду с успехами и негативные последствия, которые проявились значительно позже. Эта политика не учитывала стартовых возможностей ГБАО, ее социокультурных особенностей и природных условий.

Активная хозяйственная деятельность в сложных природно-климатических условиях Памира при огромном дефиците здесь пригодных для обработки земель могла привести и привела к нарушению экологического баланса. По официальным данным, только чуть более 16 тыс. га земли Памира пригодны для сельскохозяйственной обработки.

Процесс индустриализации и затем коллективизации сопровождался очень значительным естественным приростом населения. Если в 1931 г. население Памира составляло около 30 тыс. чел., то к началу 2000 г. оно насчитывало уже 210 тыс., т.е. за 70 лет увеличилось в 7 раз. Такой гипертрофированный рост числа жителей при ограниченном жизненном пространстве способствовал опасному увеличению антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Взросшая плотность населения в горных поселках начала превышать нормы, допустимые для нормальной жизнедеятельности. Однако в советский период система уравнительного распределения и дотаций сдерживала негативные последствия в области экологии и демографии. Предпринятая властями в 1951–1954 гг. попытка переселения горцев в равнинные районы Таджикистана не увенчалась успехом. В силу своего особого социокультурного и просто физиологического развития в условиях высокогорья они оказались неприспособленны к равнинным условиям жизни.

В итоге проводимой ускоренной индустриализации сельского хозяйства в ГБАО постепенно вызревал глубинный социальный,

экологический и демографический кризис, ко-торый препятствовал дальнейшему поступательному развитию. Кризисные деструкции начали активно проявлять себя после распада СССР и создания независимой Республики Таджикистан.

В ноябре 1995 г. парламент РТ принял конституционный закон «О Горно-Бадахшанской автономной области», в котором были определены социально-экономические, культурные и другие полномочия области. В сентябре 1999 г. хукумат (правительство) ГБАО разработал концепцию социально-экономического развития области до 2005 г.⁶ Правительство республики приняло постановление «Об ускорении социально-экономического развития Горного Бадахшана». За последнее десятилетие было принято свыше 20 правительственных постановлений по социально-экономическому развитию ГБАО, однако ни одно из них так не было реализовано⁷.

В 2002 г. нами был проведен в ГБАО выборочный социологический опрос, в котором приняли участие представители всех социальных групп (крестьяне, рабочие, студенты, служащие и др.) и возрастов (от 18 до 70). Большинство опрошенных считали ответственными за экономический кризис как центральные власти, так и руководство области. На вопрос о том, кто может помочь памирцам (Фонд Ага-хана; Россия; западноевропейские страны; сам народ; переселение горцев в равнинные районы Таджикистана; никто) 90 % опрошенных назвали Фонд Ага-хана.

До 2000 г. фонд активно оказывал всем жителям ГБАО, в независимости от этноконфессиональной принадлежности, гуманитарную помощь. С этой целью он разработал специальную «Программу помощи и развития Памира» («Pamir Relief and Development Program» – ПРДП), которая в настоящее время называется «Программой помощи и развития горных регионов» («Mountain Society Development Support Program» – МСДСП). Кроме того, фонд разрабатывает программы в области здравоохранения, образования, культуры и социальной защиты населения.

Хукумат области предпринимает шаги, направленные на реформирование социально-экономической жизни региона, однако улучшения положения ни в сфере экономики, ни в социальной области не наблюдается. Сложное положение в экономике обусловлено и причинами объективного харак-

тера – это географическая труднодоступность и изолированность от других районов; сложные условия высокогорья; удаленность от больших городов и экономических центров; крайне ограниченные земельные ресурсы, не отвечающие потребностям населения области; несовершенство системы законодательства Республики Таджикистан в условиях рыночной экономики, проявляющееся в отсутствии дифференцированного подхода к регионам с разными географо-климатическими и другими особенностями.

Парадокс ситуации заключается в том, что автономная область имеет огромные природные ресурсы, трудоспособное население, но не может ни обеспечивать занятость людей, ни самостоятельно формировать свой бюджет (на 85–90 % он формируется за счет субсидий из республиканского бюджета).

В области не функционирует ни одно промышленное предприятие, население испытывает серьезные проблемы с продуктами и товарами первой необходимости. Около 90 % всех видов доходов населения уходит на удовлетворение нужд именно в этих товарах и продуктах. Уровень безработицы ГБАО один из самых высоких в республике. По сообщению статистического управления области, за девять месяцев 2003 г. уровень официально зарегистрированных безработных был 6,6 %, однако по данным того же управления, относящимся к 2003 г. в целом, он составлял 12 %.

По заданию хукумата области соответствующие отделы занимались изучением миграционных процессов в ГБАО, однако они отказываются предоставлять сведения о числе памирских мигрантов. Так, отдел по труду и социальной защите хукумата области, который, несомненно, располагает необходимой информацией, мотивирует это тем, что подобные сведения являются якобы «секретными». Другие подразделения, например, отдел по миграции «Бадахшонхоричакор» статистического управления, также не предоставляют сведений о мигрантах-памирцах. Ниже мы приводим данные (см. табл. 1), предоставленные для настоящей работы д-ром Сарфарозом Ниязовым – сотрудником Института исмаилитских исследований в Лондоне.

Таблица 1

Занятость населения и число безработных в ГБАО, в тыс. (конец 2003 г.)

Районы	Зарегистр. Безработные	Трудоспособ- ное население	Общее число жителей	Занятые в на- родном хозяйст- ве
Хорог	2,4	15,1	27,9	9,1
Дарвоз	2,4	12,7	26,2	7,1
Ванч	1,7	16,4	32,6	7,4
Рушан	2,0	13,0	24,4	7,8
Шугнан	2,8	21,4	35,8	12,5
Рошткала	2,2	13,2	21,5	10,3
Ишкашим	1,6	16,5	28,1	12,3
Мургаб	1,3	8,4	17,0	4,2
ГБАО в целом	16,4	116,7	213,5	70,7

Уровень фактической безработицы в ГБАО, по оценкам независимых экспертов, пожелавших остаться неназванными, намного выше и составляет 75–85 %. На середину 2003 г. уровень безработицы в Таджикистане в целом с учетом методологии Международной организации труда составлял 11,3 %, в том числе в городах – 13,2 %, в сельской местности – 10,9%⁸. Более половины безработных в республике составляет молодежь (68,9 %)⁹.

В ГБАО проблема безработицы особенно остро стоит именно перед молодежью, поскольку самый трудоспособный возраст приходится на молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет. По оценкам независимых памирских экспертов, уровень безработицы среди молодежи составляет 82 % от общего количества всех безработных в автономной области.

Ежегодно здесь заканчивают школу от 3000 до 3700 чел., однако только около 300 из них имеют возможность поступить в единственный в ГБАО Хорогский государственный университет им. М. Назаршоева. Еще максимум 100 чел. могут стать учащимися двух среднетехнических училищ. Таким образом, абсолютное большинство выпускников (88 %) остаются незанятыми. Да и у выпускников университета и училищ нет никакой гарантии, что они найдут работу из-за отсутствия свободных вакансий.

Конкретных причин для отъезда из ГБАО много, но две из них – главные: это, во-первых, трудности с обеспечением семьи продуктами питания и, во-вторых, отсутствие работы (незанятость). Когда мне в разных

районах ГБАО приходилось общаться с молодыми людьми, они говорили, что «не видят никаких перспектив для относительно нормальной жизни на Памире, тем более для ее устройства».

Во время бесед с мигрантами с Памира в российских городах на вопрос: «Что заставило Вас уехать в Россию?» мои респонденты среди причин называли следующие: 1) желание прокормиться и заработать на пропитание, на устройство жизни; 2) обеспечить семью продуктами первой необходимости; 3) найти работу; 4) заработать на собственную жизнь, на ее устройство; 5) получить профессию, навыки работы; 6) посмотреть мир.

«Здесь (на Памире) бесполезно тратить молодые годы. Памир – это место для стариков и пенсионеров. Из круга моих знакомых все настроены на то, чтобы остаться, точнее, осесть в любых местах, где это хоть немного возможно. Здесь нужно иметь по возможности крышу над головой, чтобы на старости лет или по другим вынужденным обстоятельствам вернуться и дожить остаток жизни...» (Кишвар К., 37 лет, мигрант из Хорога).

«Мой сын только в 32 года создал свою семью – у него жена и двое детей. В последние годы он с большими трудностями отдельно от нас жил. Однако не справился с обеспечением своей семьи продуктами питания, не смог накормить их даже одним хлебом, оставил их у родителей жены и уехал в 2001 г. С того момента от него никаких вестей, он не звонил, не отправлял денег, словом, никто не знает, где он находится, и что делает, неизвестно. Дай Бог, чтобы

был живым где-то... Я думаю, он сбежал отсюда... Ведь Джелондех и подобные ему места – в самом деле Богом забытые места...» (Г. Тиллоев, отец сбежавшего от трудностей мигранта, кишлак Джелондех, Шугнанский р-н).

Многие мигранты в разных городах России, беседуя на эту тему, говорят о том, что не видят перспектив на Памире, и добавляют: «...Мы не можем постоянно сидеть на шее у благотворительных организаций нашего Хозир Имама... (имеется в виду Агахан IV. – Т.К.)».

Таким образом, кризисное положение в экономике и в социальной области, низкий уровень жизни и высокий уровень безработицы – основные причины миграции населения в ГБАО.

Считалось, что до 2000 г. максимальное число мигрантов из ГБАО составляло около 10 тыс. Однако в конце 2003 г. местные органы власти по заданию хукумата области провели так называемый подворный обход и выявили 15 тыс. мигрировавших за пределы области. Эта цифра представляется нам сомнительной. Во-первых, указанный обход не проводился во всех микрорайонах г. Хорога (например, Шош-Хоруг, «Автостанция» и др.), в котором проживает большинство шугнанцев, а также во многих кишлаках области. Во-вторых, опрос был проведен по выборочному методу.

По данным МСДСП ГБАО, с опорой на данные сельских обществ, число мигрантов превышает 23 165 чел. (см. табл. 2). Однако у нас нет уверенности, что во всех сельских обществах есть точные данные о количестве выехавших за пределы области (это подтверждают многие работники в районах). К тому же не во всех кишлаках имеются сельские общества.

Исходя из этого, можно утверждать, что мигрантов значительно больше. По мнению некоторых наблюдателей, число памирских

мигрантов составляет более 30 тыс. Другие аналитики называют цифру около 40 тыс., включая тех, кто уже вернулся на родину. В табл. 2 мы приводим официальные данные МСДСП в ГБАО, собранные через структуру сельских обществ и представляющиеся нам относительно реальными.

Из сводной табл. 2 следует, что в конце 2003 г. – начале 2004 г. в Россию въехали 18 037 чел. Однако, по нашим весьма приблизительным сведениям, численность памирских мигрантов-исмаилитов на начало 2005 г. доходила до 30 тыс. чел. Впрочем, точной цифры назвать не может никто. Процесс миграции из ГБАО – стихийный, и в реальности он не отслеживается ни властями области, ни соответствующими российскими службами. Тем более что в России приезжих из Таджикистана не делят по этническому принципу. Как указывают таджикские исследователи, 4,7 % всех мигрантов из Республики Таджикистан в Российской Федерации – это выходцы из ГБАО¹⁰.

В настоящее время памирцы-исмаилиты проживают как мигранты в следующих областях и городах Российской Федерации: Москва и Московская обл. (около 10–15 тыс. чел.), Екатеринбург (2 тыс.), Самара (около 1,5 тыс.), Санкт-Петербург (около 1 тыс.), Челябинск (около 1 тыс.), Новокузнецк (около 1 тыс.), Новосибирск (около 1 тыс.), Сургут (около 450 чел.), Казань (около 400 чел.), Краснодарский край (около 300 чел.), Тверская обл. (около 200), Владимирская обл. (около 150), Липецкая обл. (около 150), Тамбов (около 100), Тольятти (около 70) и др.

Как мы видим, основные пункты миграции из Горного Бадахшана – это прежде всего крупные мегаполисы Москва и Санкт-Петербург, а также промышленно развитые города России, где есть возможность найти работу.

Таблица 2

Миграция из ГБАО (конец 2003 г.)

Название районов	Население районов	Выехавшие за пределы области (чел.)			Всего	Возраст			Всего	Пол		Всего
		в РФ	в Душанбе и другие города республики	В другие города СНГ		17-29	30-45	45 и выше		му ж	жен	
ДАРВОЗ	26 202	1110	128	22	1260	560	678	22	1260	1134	126	1260
ВАНЧ	32 632	2944	224	11	3179	2008	1042	129	3179	2861	318	3179
РУШАН	24 374	1860	106	34	2000	1272	605	123	2000	1760	240	2000
ИШКА-ШИМ	28 059	2853	37	40	2930	1896	935	99	2930	2578	352	2930
РОШТ-КАЛА	21 476	3684	977	104	4765	2600	1978	187	4765	4193	572	4765
ШУГ-НАН	35 829	4111	662	41	4814	2610	1758	446	4814	4186	628	4814
МУРГАБ	17 035	19	188	2505	2712	1153	1090	469	2712	1627	1085	2712
ХОРОГ	27 914	1456	27	22	1505	1006	421	78	1505	1141	364	1505
ГБАО	213 521	8 037	2349	2779	3 165	3 105	8507	1553	23 165	9 480	3685	23 165

Источник: сведения сотрудников «Программы помощи и развития горных регионов» (МСДСП) в ГБАО.

ИСТОРИЯ МИГРАЦИИ ПАМИРЦЕВ-ИСМАИЛИТОВ В РОССИЮ

В советский период, когда Таджикистан входил в состав СССР, массовая миграция памирцев за пределы Памира не наблюдалась. В Россию ехали либо учиться, либо в командировку для повышения квалификации (медицинские и научные работники, учителя и др.).

Миграционные процессы памирцев-исмаилитов за пределы ГБАО начались после распада СССР и образования в 1991 г. независимой Республики Таджикистан. Уезжали прежде всего в Россию. Это обусловлено тем, что до распада Советского Союза памирцы находились под глубоким воздействием советской системы воспитания и образования. В средней школе они изучали рус-

ский язык и владели им хорошо. Актуальность изучения русского языка не в последнюю очередь была связана с тем, что телевидение на Памире, в отличие от равнинных районов Таджикистана, принимало только российские телевизионные каналы. Именно поэтому к началу 1990-х гг. практически все трудоспособное население ГБАО в той или иной мере владело русским языком.

Ситуация изменилась после образования независимой Республики Таджикистан и начала гражданской войны на ее территории. Знание русского языка из-за сокращения часов на его изучение в средней школе, а также по другим причинам значительно снизилось у нескольких поколений памирцев, родившихся в конце 1980-х гг. Этим объясняется тот факт, что мигранты-памирцы

старших возрастов более свободно общаются с русскими на их родном языке и не испытывают комплексов по этому поводу. Памирцы младших возрастов, оказавшись в России, чувствуют определенный дискомфорт при общении с местным населением на русском языке.

Первый этап миграции памирцев в Россию (1992–1995 гг.) можно условно назвать «беженским». Он связан с начавшимися и продолжавшимися в первой половине 1990-х гг. военными действиями в период гражданской войны в Таджикистане, когда над жителями ГБАО нависла угроза голодной смерти.

По полученным мною данным от мигрантов-исмаилитов, которых можно назвать «старожилами» в Москве, первые мигранты с Памира появились в России и, прежде всего в ее столице, осенью 1992 г. Это было вызвано, как уже говорилось, началом гражданской войны. В Россию отправлялись прежде всего памирцы из Душанбе, Курган-Тюбинской области, т.е. из наиболее опасных для жизни исмаилитов регионов, где осуществлялся геноцид против них. Численность приехавших в Москву (Подмосковье в тот период еще не было «освоено» памирцами) составляла примерно 300–400 чел. Это были главным образом мужчины трудоспособного возраста: 18–50 лет. Женщин и детей в первой волне мигрантов насчитывались единицы, поскольку их в то время отправляли из опасных равнинных районов Таджикистана к родственникам в ГБАО.

Первые трудовые мигранты-исмаилиты работали на московских вокзалах грузчиками, продавцами прохладительных напитков на перронах и т.п. Однако из-за дефицита рабочих рук на крупных предприятиях Москвы и нежелания москвичей трудиться на так называемой грязной работе многие памирцы пополнили ряды тружеников прежде всего такого крупного московского предприятия, как завод им. Лихачева (ЗИЛ), – основного производителя автомобилей. Как рассказывал мне шугнанец Одил ХудоПров, 1966 г. рождения, трудившийся в то время на ЗИЛе, первое время им приходилось очень трудно. Опыта работы на крупных промышленных предприятиях у памирцев не было. На родине они занимались в основном сельскохозяйственной деятельностью. Некоторым приходилось осваивать новые рабочие профессии – слесаря, токаря, фрезеровщика и др. В то время на ЗИЛе трудились так называемые «лимитчики»,

как называли москвичи иногородних русских, приезжавших в Москву по специальному набору. С ними у памирцев складывались добрососедские отношения, поскольку и те, и другие жили в одних и тех же общежитиях, которые предоставляла «лимитчикам» администрация завода.

В указанный период московская городская администрация поощряла приезд дополнительной трудовой силы, способной заполнить вакантные места на тяжелом или вредном производстве. Заработной платы вполне хватало на питание, одежду и др.

Следует сказать, что отношение россиян к приезжавшим из Таджикистана также в целом было спокойным, ровным. Это объяснялось тем, что в России тогда не наблюдалось обострение межнациональных отношений.

Первые памирцы-мигранты с самого начала идентифицировали себя прежде всего как выходцы из ГБАО, т.е. как соотечественники-памирцы. Таким образом, проявлялась лишь часть ступенчатой идентичности памирцев, а именно отнесение себя к этноконфессиональной общности «помири». Локально-территориальная и родовая принадлежность в данном случае играла ничтожную роль. Религиозная идентичность также не имела большого значения, поскольку до середины 1990-х гг. сказывались последствия антирелигиозной пропаганды и возрождения исмаилизма на Памире еще не произошло.

Несмотря на свою общую этническую принадлежность, организационного оформления памирцев, т.е. складывания каких-либо союзов, общин, общественных организаций в рассматриваемый период не наблюдалось. Это объясняется, на мой взгляд, несколькими причинами: 1) немногочисленностью прибывших памирцев, 2) отсутствием соответствующего опыта организационной работы в условиях иноэтничной и иноконфессиональной среды, 3) отсутствием явно выраженных лидеров в среде памирцев, 4) юридической неподготовленностью.

Можно сказать, что из-за неорганизованности, хаотичности первой волны мигрантов в России и непросвещенности их в религиозных вопросах празднование религиозных праздников (*хушхоли*), а также Нового года – Навруза – в тот период не практиковалось. Обмен мнениями происходил спорадически, на основе приятельских отношений, в ограниченном составе – главным образом на днях рождения, при приезде новых соотечественников и т.д.

Второй этап миграции памирцев-исмаилитов в Россию (1995–1998 гг.) связан с кризисными последствиями закончившейся гражданской войны (развал экономики, политическая нестабильность, угроза начала новой войны). На данном этапе численность памирских мигрантов в российской столице возросла примерно до 1500–1800 чел. Как и раньше, это были главным образом мужчины трудоспособного возраста. Одна часть из них имела ту или иную рабочую специальность, другая – главным образом молодежь (выпускники школ) – не имела навыков трудовой деятельности.

Именно в этот период памирцы-исмаилиты уже начали осваивать для себя Московскую обл., прежде всего в качестве строительных рабочих при возведении домов в жилом секторе и частных загородных дач для некоторых граждан.

Именно в это время в общей массе памирцев-мигрантов в Москве и Московской обл. происходят дифференциация и группирование на основе родственных связей. Родственники из разных кишлаков или даже из разных районов ГБАО проживали на съемных квартирах небольшими группами по 3–5 чел. и, как правило, работали вместе, в одном коллективе.

29 января 1995 г. открылась новая страница в жизни памирских исмаилитов Москвы и ее пригородов, так как в этот день произошел *дидор* (лицезрение последователями) имама Ага-хана IV в спортивном комплексе «Олимпийский». Эта была первая встреча памирских исмаилитов, находившихся в Москве, со своим духовным лидером. Дидор оказал такое глубокое воздействие на «московских» последователей исмаилитского учения, что они осознали необходимость объединения по этническому и религиозному принципу. Можно с уверенностью сказать, что именно встреча с имамом в 1995 г. дала толчок к созданию в Москве памирской исмаилитской общины, хотя формально юридическое ее оформление произошло позднее. С этого времени у выходцев из ГБАО, как рассказывали мне «московские старожилы-памирцы», у них появились чувство гордости за своего имама и стимул к изучению основ исмаилитского учения, интерес к историческому прошлому своей исторической родины – Памиру.

Помимо духовной встречи со своими последователями, Его Высочество Ага-хан IV имел также несколько деловых встреч, в том числе с тогдашним председателем прави-

тельства России В.С. Черномырдиным. С одной стороны, эта встреча, способствовала тому, что в российском правительстве получили достоверную информацию об исмаилитах, и это привело в будущем к новому осмыслению роли исмаилитов и исмаилизма. С другой стороны, имам призвал своих приверженцев жить в мире и согласии со всеми членами общества, независимо от их расовой, религиозной, национальной и языковой принадлежности, способствовать развитию России, где они в данный момент находятся.

Таким образом, встреча с духовным лидером исмаилитов положила начало профессиональному единению памирцев, поскольку этническое самосознание, т.е. принадлежность к памирцам, у мигрантов из ГБАО имела задолго до приезда имама. Именно с середины 1990-х гг. памирцы в Москве начинают совместно праздновать религиозные праздники, арендуя для этого рестораны или кинотеатры.

Следует подчеркнуть, что отношение российских властных структур к прибывавшим из Таджикистана в целом было терпимым. Что касается российских граждан, то в их поведении не отмечалось в то время каких-либо расистских или националистических выпадов против мигрантов из Таджикистана.

Третий этап (1998–2003 гг.) миграции памирцев из ГБАО можно охарактеризовать как период массового исхода с исторической родины. Тяжелейший экономический и социально-политический кризис в Таджикистане (безработица, падение уровня жизни, низкая заработная плата и т.д.) вынуждал памирцев покидать родные места и отправляться в Россию и прежде всего в Москву с целью заработать материальные средства по примеру предшественников, уже работавших в данном регионе. По некоторым данным, в 2002 г. через банки из России в Таджикистан было переведено около 600 млн. долл. США¹¹.

По сведениям памирской РОО «Нур», численность памирцев в Москве и Московской обл. в этот период резко возросла, достигнув 5–6 тыс. чел.

Если в других регионах республики пик трудовой миграции приходился на 1992–1993 гг. и нарастающим образом продолжался до 1999 г., то в ГБАО картина была иной. Здесь пик миграции пришелся на 2001–2003 гг., поскольку до 2000 г. жители области (подчеркну еще раз – не только исмаилиты, но представители всех религиоз-

ных конфессий) получали гуманитарную помощь от Фонда Ага-хана. Сокращение этой помощи до минимума послужило дополнительным фактором к увеличению числа трудовых мигрантов из-за невозможности обеспечить элементарных потребностей семей и ухудшения жизненного уровня.

В Москве, где наблюдался более значительный, чем в других российских городах, наплыв мигрантов с Памира, происходит размывание коллективистских начал на основе родственных связей. Приехавшие уже группируются по территориальному принципу, т.е. по кишлакам проживания на родине. Это связано, на мой взгляд, в первую очередь с традиционализмом памирской общинной жизни, когда соседские связи доминируют над родственными в том случае, если родственники (двоюродные братья и др.) живут в других кишлаках или районах. Таким образом, землячество на уровне кишлака и кишлачных советов превалирует над другими кровнородственными связями.

В это время в памирской общине среди групп односельчан (50–60 чел.), живущих в разных районах Москвы и Подмосковья, появляются первые неформальные лидеры. Они занимаются проблемами аренды жилплощади, нахождения рабочих мест для вновь прибывших (контакты с посредниками и т.д.), регистрации в отделениях милиции, урегулирования отношений с местными криминальными авторитетами (если памирцы работали, например, на рынках) и т.д.

Из-за увеличившегося в Москву потока беженцев и мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья (Китай, Вьетнам и др.) отношение местных жителей к приезжим из стран СНГ резко ухудшилось. Сказались также последствия первой чеченской войны. Отмечаются первые случаи избияния лиц неславянской внешности, в том числе памирцев. Так, 12 мая 2002 г. группа подростков избивала в электропоезде, следовавшем с Курского вокзала Москвы в сторону Московской обл., председателя Региональной общественной организации «Нур» Богшо Лашкарбекова, его сына Мавлододу и аспиранта Института языкознания РАН Асадбека Асадбекова. Б. Лашкарбекову сломали ребро, а его спутники получили многочисленные ссадины и ушибы. Несмотря на то, что отец и сын Лашкарбековы являются гражданами России, а А. Асадбеков имел официальную регистрацию в Москве, правоохранительные органы не сочли нужным задержать ху-

лиганов, когда потерпевшие обратились к ним за помощью¹².

Сформировавшиеся в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других российских городах экстремистские молодежные группировки¹³ все чаще стали открыто избивать, а иногда и убивать «азиатов» – вьетнамцев, таджиков, а также «лиц кавказской национальности», как называют в российских средствах массовой информации азербайджанцев, армян, грузин и т.д.

В условиях ухудшения межнациональных отношений в российских городах, а также противоправных действий со стороны правоохранительных органов, например, в Москве, перед памирцами-исмаилитами остро встала проблема организационного единства.

В июне 1999 г. в российской столице происходит юридическое оформление памирской общины в лице региональной общественной организации «Нур», которая была зарегистрирована в московском управлении Министерства юстиции России. Председателем общества на учредительном собрании общины от 25 апреля 1999 г. был избран ваханец, кандидат филологических наук, старший сотрудник Института языкознания РАН Богшо Лашкарбеков. Высшим руководящим органом организации является правление, которое избирается каждые три года.

Следует подчеркнуть, что с самого начала создание РОО «Нур» задумывалась по этноконфессиональному принципу, т.е. она объединяла в своих рядах именно памирцев-исмаилитов. Появление у них собственной общественной организации преследовало, на мой взгляд, две основные цели. С одной стороны, это была ответная реакция памирцев на изменившееся в Москве отношение к мигрантам. Памирцы поняли, что в целях самосохранения необходимо «узакониться». С другой стороны, РОО «Нур» брала на себя обязательство быть памирским культурным центром.

Таким образом, с юридической точки зрения РОО «Нур» осуществляла культурно-просветительские функции. Вместе с тем эта организация со времени основания занималась и до сих пор продолжает заниматься социальными и юридическими проблемами земляков – от информирования их о наличии рабочих мест до написания ходатайств в те или иные муниципальные, налоговые, правоохранительные и другие организации.

Четвертый этап в истории миграции памирцев-исмаилитов (2003–2005 гг.) можно рассматривать как период некоторого спада

миграционной волны, направлявшейся в Россию и особенно в Москву, в связи с ужесточением российской миграционной политики.

Тем не менее более 98 % мигрантов с Памира отправляется в поисках заработков именно в Российскую Федерацию и прежде всего в ее столицу¹⁴. В 2002 г. во время научной командировки в ГБАО я провел социологический опрос студентов Хорогского государственного университета. На вопрос о том, куда бы они хотели поехать на заработки, подавляющая часть респондентов назвала Россию. Это объясняется, по моему мнению, тем, что, во-первых, как уже отмечалось, практически все памирцы неплохо владеют русским языком, во-вторых, на Памире традиционно сильно чувство симпатии к России.

К настоящему времени, по моим расчетам, в Москве и Московской обл. более 70 %, т.е. большинство трудовых мигрантов с Памира, заняты в сфере строительства, около 10 % – в сфере услуг (торговые палатки, кафе, ресторанчики, супермаркеты), около 15 % – на рынках. Неработающие нелегалы-памирцы в Москве и области составляют около 5–7 %.

Несмотря на многочисленные трудности, с которыми приходится сталкиваться памирским мигрантам в России, в ГБАО считают, что выезд на заработки за пределы области – это пока «единственный выход из ситуации». Об этом свидетельствует тот факт, что количество мигрантов все больше и больше увеличивается, причем из числа всех категорий жителей ГБАО. Как говорят сами памирцы, «уезжают все, кто может». И этот процесс играет как негативную, так и позитивную роли в жизни области и ее населения.

В настоящее время жители равнинных районов Таджикистана уезжают на заработки в страны СНГ или Центральной Азии. Что касается мигрантов из восточной части ГБАО, то этнические киргизы из Мургабского р-на уезжают в основном в Киргизию, которая им близка в социокультурном отношении. Выходцы с Западного Памира традиционно предпочитают мигрировать в российские города, в первую очередь в Москву и Санкт-Петербург. Российской Федерации отдается предпочтение еще и потому, что гражданам Таджикистана не требуется въездная виза. К тому же знание русского языка, наличие транспортных средств, родственных, дружеских связей и прочее также являются решающими факторами при выборе российских городов.

Кроме того, в России в связи с экономическими преобразованиями в условиях рыночной экономики все больше повысилась потребность в привлечении рабочей силы, особенно в отраслях промышленности, строительства, металлообработки, машиностроения и т.д. Вместо мигрантов из других стран СНГ (которые постепенно уезжают в свои страны) поток мигрантов из Таджикистана в целом увеличивается.

По моим данным, в настоящий период более 85 % мигрантов из ГБАО в основном занимают в российских городах невостребованные рабочие места на государственных и частных стройках, трудятся чернорабочими или в лучшем случае подсобными работниками.

В моих беседах с мигрантами (около 50 чел.) на вопрос: «Почему вы выбрали именно Россию?» они отвечали: «Россия – большая и великая страна, там всегда можно найти работу, средства на жизнь...» (23 %); «русские – намного справедливее и честнее в вопросах оплаты труда и ко всем хорошо относятся» (20 %); «русские исторически спасали нас от многих политических и экономических катаклизмов, могут и сейчас помочь, поэтому мы выбрали эту страну» (6 %); «Москва – огромный город с огромными возможностями, в том числе для заработка» (12 %); «нам больше некуда ехать, для нас самыми лучшими (гуманными) в СНГ являются русские, а за границу нас тем более никто не пустит» (39 %).

Это подтверждает тот факт, что жители Горного Бадахшана сохраняют приверженность и привязанность к русским в первую очередь из-за того, что в России, по словам направляющихся в эту страну, «нет давления, предрассудков, дискриминации или других ограничений на религиозной или национальной почве».

Как считают эксперты, а также многие мигранты и некоторые руководители памирских общин в России, наиболее целесообразный вариант выхода из сложившейся кризисной ситуации в ГБАО – это переселение и компактное проживание памирских семей в Российской Федерации, где имеются широкие возможности (из-за отсутствия рабочих рук) и фактически пустующие территории (заброшенные жителями деревни и села). На этих землях в течение нескольких лет можно было бы организовать прибыльные хозяйства, которые позволили бы не только обеспечить новоселов, но и оказать помощь населению ГБАО. Для решения

данной проблемы, как полагают некоторые лидеры памирских общин, предполагается связаться с руководством ряда областей Российской Федерации (Поволжье, Костромская, Пермская и другие области, а также регионы Черноземья), где имеются указанные территории, с дальнейшим выходом на федеральные власти России.

ПОРТРЕТ ПАМИРСКОГО МИГРАНТА

По возрастному составу мигрантов с Памира в России можно условно разделить на три группы. Первая группа – это молодежь от 15 до 25 лет (несовершеннолетние, как правило, едут с родителями), преследующая цель посмотреть на другой мир и по возможности заработать на собственную будущую жизнь (учеба, свадьба и т.д.).

В особую – вторую – группу выделены лица в возрасте 25–45 лет, которые мигрировали в Россию по социально-политическим мотивам. Они проживали в других регионах Республики Таджикистан, например, в Хатлонской и иных областях, и после гражданской войны не смогли вернуться на прежнее место жительства по причине потери жилья, места работы, ухудшения условия жизни в этих местах и т.д.

Третья группа – это собственно трудовые мигранты в возрасте от 25 до 45 лет и старше, которые уехали в целях получения заработка для обеспечения семьи, улучшения жилищных условий, поступления на учебу, устройства свадеб своих детей и т.д. Эта группа – самая большая по численности среди прочих.

Как следует из сводной табл. 2, доминирующая часть мигрантов – молодые (от 15–17 до 29 лет) люди (56,5 %) и лица от 30 до 45 лет (36,7 %). Это означает, что миграцией охвачен самый трудоспособный возраст, т.е. лица от 17 до 50 лет, – они составляют 93,2 % от общего числа мигрантов. Что касается непосредственно трудовой миграции памирцев, то, по данным таджикского исследовательского центра «Шарк», в нее вовлечены до 80 % молодых мужчин-памирцев.

Таким образом, если исключить особую – вторую – группу мигрантов, то можно заметить, что по возрастному показателю выезжающих в Россию из Горного Бадахшана можно разделять на две основные катего-

рии: молодые люди 17–30 лет и лица от 30 лет и старше.

По половому признаку преобладают мужчины. До 2000 г. практически все мигранты были мужского пола, однако с 2001 г. число женщин-мигрантов стало постепенно увеличиваться и в настоящее время имеет тенденцию к росту. На начало 2004 г. доля женщин составляла от 10 до 15 % от общего числа мигрантов (включая жен и дочерей, которые выехали вместе с главой семьи). Последние мигрировали не как члены семьи, а с целью заработка, поэтому их тоже можно отнести к категории трудовых мигрантов.

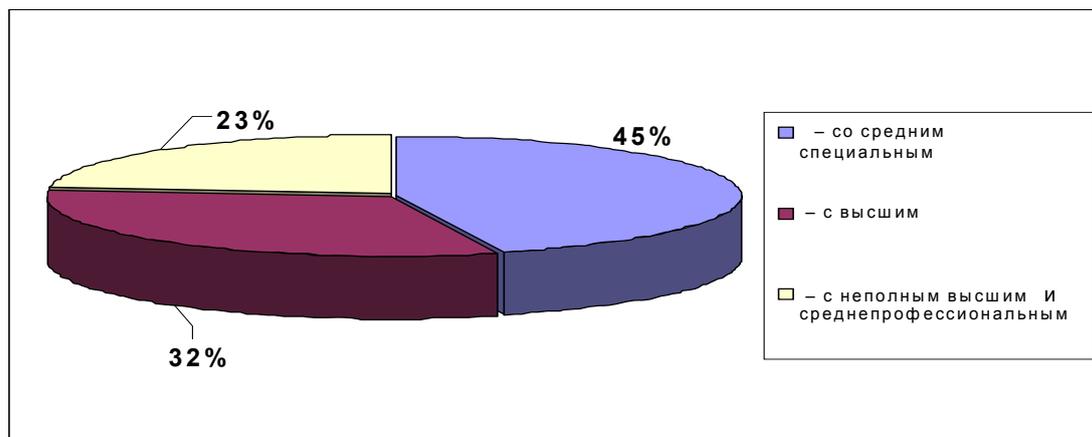
Девушки и женщины, приехавшие на заработки в Россию, в большинстве своем не имеют соответствующих специальности или квалификации. Некоторые попадают в очень сложные жизненные переплеты и им приходится выполнять тяжелую и грязную работу в торговле (рынки) и сфере услуг или же заниматься недостойными видами деятельности.

«Моя племянница вынуждена была жить у меня и, несмотря на то, что никто (из родных. – Т. К.) не соглашался на ее выезд, она поехала. Потому что ни ее семья, ни я не могли ей дать элементарные потребности в жизни. Она поехала и работала у торговцев овощами с Кавказа. Она работала и жила постоянно в подвале, где сортировала морковь и другие овощи. Через полгода серьезно заболела, и наши земляки кое-как отправили ее домой в тяжелом состоянии, с двухсторонним туберкулезом. Сейчас она в больнице, и надежда на ее выздоровления очень маленькая» (жительница Хорога Сафармо Н., 57 лет).

94 % молодых мигрантов – выходцы из сельской местности (некоторые никогда не были даже в областном центре ГБАО – г. Хороге). Они крайне мало осведомлены о стиле жизни в больших городах, тем более в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург. Они не имеют никакого представления о законах и нормативных актах относительно миграции ни в собственной стране, ни тем более в стране пребывания. В результате эта наиболее уязвимая категория мигрантов оказывается в положении бесправных наемных работников, нуждающихся в правовой защите и консультации.

Об уровне образования мигрантов, направляющихся в Россию, наглядно свидетельствует приводимая ниже диаграмма.

Уровень образования мигрантов из ГБАО

Источник: данные миграционной службы ГБАО.

Представленная диаграмма составлена по официальным данным. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, 5 % мигрантов из Горного Бадахшана имеют начальное и неполное среднее образование, 35 % – общее среднее образование, 25 % – среднее специальное и примерно 35 % – высшее и незаконченное высшее образование. Как можно заметить, цифры не очень заметно расходятся. Вместе с тем образование памирцев не востребовано в России, поэтому преобладающее большинство из них работает не по специальности, если она у кого-то есть.

По приблизительным данным, 65 % находящихся в российских городах мигрантов имеют и 35 % не имеют собственную семью, а 4–5 % холостых женились на представительницах других национальностей. «Временные», или «вынужденные», по определению самих памирских мигрантов, браки, по разным сведениям, составляют около 35 % от общего количества заключенных памирцами брачных союзов.

Одна из особенностей миграции из ГБАО заключается в том, что среди мигрантов из этого региона в России нет так называемых челночников (в то же время из других районов Таджикистана «челноки» составляют до 43 % от общего количества). Причина этого заключается в том, что привозить на горный Памир товары из России нерентабельно (из-за таможенных сборов, транспортировки в горы и т.д.).

Практически все трудовые мигранты из равнинных районов Таджикистана – сезонные работники. Как правило, большинство из них на зиму возвращаются в родные места, и все посещают свои дома по меньшей мере

раз в год. Выходцы из Бадахшана мигрируют, как они сами говорят, на «постоянной основе и насколько это возможно...».

Мигранты из ГБАО, особенно молодые, превратили для себя миграцию в образ жизни и в сферу профессиональной деятельности. Если кто-то из них и приезжает в родные места, то на короткий срок, в отпуск, чтобы повидать родных или по другой, как правило, вынужденной необходимости (тяжелая болезнь или смерть близких и т.п.).

«Наши ребята (мигранты из ГБАО. – Т.К.) в основном живут в квартирах или комнатах. Все стараются жить в квартирах, если даже на это будет уходить большая часть их заработка. Они стараются как-то жить получше. Мигранты из других частей республики заработают кто как может, при этом экономят на желудке, на жилище (спят на рабочем месте и где попало). Мне кажется, наши не только едут заработать, они едут также и пожить немного получше “для себя”, чем здесь, у себя на родине...» (Сухроб П., 45 лет, мигрант из Хорога).

В конечном счете всех мигрантов из Бадахшана в России можно разделить на два условных типа: трудовые мигранты (см. выше – третья группа) и мигранты «по экономическим мотивам», которые едут не только на заработки, но с намерением и надеждой «обосноваться на постоянно».

Мною в разных городах России были опрошены 200 респондентов. На вопрос «Вернетесь ли Вы в родные места?» были даны следующие ответы: «да», если будет нормальная работа, «хотя бы возможность заработать 100 долл. в месяц» (20 % опрошенных); «нет», поскольку в ГБАО невоз-

можно устроить самостоятельную жизнь, создать и содержать семью, построить собственное жилье и т.д. (70 %); «это будет зависеть от обстоятельств», или же «если не удастся где-то устроиться, то вынужден буду вернуться» (10 %).

«Я строитель с 25-летним стажем (работал в строительной организации ПМК-148, которая прекратила свое существование). В моей семье из шести человек никто не имел дохода. Я был вынужден мигрировать в Россию в поисках работы. За четыре месяца я добрался до Москвы. Я не находил постоянной работы. Три месяца работал, четыре сидел без работы, и так продолжалось больше года. Я не смог отправлять семье практически ничего, только чуть больше 100 долларов. Я там голодал, а семья – здесь, и я решил приехать к семье, раз голодать, то лучше вместе с семьей...» (Абдурахим Ш., 47 лет, мигрант из Хорога).

(Из интервью автора с Алмузом Д., 1965 г. рождения, мигрантом из Рошткалинского р-на, владельцем торговой палатки, образование высшее юридическое:

Т. Каландаров: Какие у Вас планы? Свое будущее Вы связываете с Россией?

Алмуз Д.: Пока не знаю. Я юрист по специальности, и, знаете, всю жизнь работать здесь мелким «торгашом» тоже не хочу.

Т. Каландаров: О получении российского гражданства не думали?

Алмуз Д.: Если честно, нет. Не знаю, то ли желания нет, то ли возможности.... А, может быть, Родина зовет...).

Собранные мною данные свидетельствуют о том, что мигранты из Бадахшана уезжают не только в поисках работы, но и в поисках, по выражению многих, «жизни». Они намерены обосноваться за пределами области настолько, насколько это возможно. В этом состоит кардинальное отличие мигранта с Памира от трудовых мигрантов из других регионов Таджикистана.

ТРУДНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Этническая идентичность (самосознание) выражается в этническом самоопределении, а именно в отнесении индивидом себя к той или иной этнической группе. В свою очередь, этническая идентичность как отдельного индивида, так и определенной группы, складывается под влиянием разнообразных

социальных и культурных факторов. Более того, она влияет на культурную, политическую, а в случае с памирцами, прежде всего, на религиозную ориентацию. Этническая идентичность – один из основных этноопределяющих признаков индивида или этнической группы, который отражает восприятие картины мира, систему ценностей, установок и убеждений, касающихся собственной группы.

Проведенный мною выборочный опрос членов памирской исмаилитской общины Москвы и Московской области (300 чел.) показал, что однозначного ответа на вопрос: «Кем Вы себя считаете в России: памирцем или таджиком?» нет. Небольшая часть памирцев-мигрантов (11,7 %), находящихся в указанном выше регионе, назвала себя *этническими таджиками*. При этом они ссылались на то, что в их паспорте в графе «национальность» проставлена запись «таджик».

(Из интервью автора с Джонибеком А., 1971 г. рождения, мигрантом из кишлака Питоб Шугнанского р-на:

Т. Каландаров: Когда Вы стали работать на стройке, как Вы представились: таджиком или памирцем?

Джонибек А.: (*улыбается*). Таджиком, конечно.

Т. Каландаров: А почему?

Джонибек А.: В моем паспорте в графе «национальность» написано: «таджик».

Т. Каландаров: И Вы считаете себя таджиком только потому, что так написано в паспорте?

Джонибек А.: (*задумывается*). Отчасти именно поэтому. Ведь национальность человека определяют у нас по паспортным данным.

Т. Каландаров: А как Вы себя называете, когда общаетесь с памирцами?

Джонибек А.: (*не задумываясь*). Тоже таджиком.

Т. Каландаров: Странно. Насколько мне известно, многие из памирцев хотят как-то выделить себя из среды таджиков?

Джонибек А.: Но мы отличаемся от них уже тем, что у нас другой язык).

(Из интервью автора с Алмузом Д., 1965 г. рождения, мигрантом из Рошткалинского р-на, имеющим высшее юридическое образование, владельцем торговой палатки:

Т. Каландаров: Кем Вы себя чувствуете в России, т.е. ваше самоопределение?

Алмуз Д.: Я себя чувствую памирцем. Моя религиозная принадлежность выделяет меня из таджиков. Кого не спроси из наших

ребят, они себя называют памирцами. Это так психологически сложилось, что мы себя считаем не таджиками. Хотя я себя и внешне и внутренне считаю европейским человеком.

Т. Каландаров: Вы себя считаете мусульманином?

Алмуз Д.: Если честно, мне вообще противно становится, когда людей разделяют по вере и расе. Мне это кажется диким. Разделение людей приводит к столкновению. Я себя считаю исмаилитом, хотя у меня, к сожалению, нет религиозного образования. Мне кажется, это прогрессивный мазхаб, идет в ногу со временем. Именно поэтому мне это нравится).

(Из интервью автора с Бахтиером К., 1963 г. рождения, образование – высшее, окончил Таджикский институт искусств. По специальности – искусствовед, в Москве работает бригадиром в немецкой строительной фирме:

Т. Каландаров: Кем Вы себя здесь, в России, считаете – памирцем или таджиком?

Бахтиер К.: Памирцем, конечно, и это знают даже наши работодатели. Они говорят: «Мы знаем, что вы – памирцы, потому что вы все иначе работаете, чем таджики... У вас стиль работы другой»).

В проведенной в Таджикистане в 2000 г. переписи населения, как и в ходе всесоюзных переписей начиная с 1959 г., памирские народы фиксировались как таджики¹⁵. Вместе с тем во время Всероссийской переписи населения 2002 г. несколько десятков выходцев из Бадахшана, находившихся на территории РФ, определили свою национальность как «шугнанец» или «рушанец»¹⁶.

Как мне представляется, памирцы, называющие себя таджиками, только исходя из паспортных данных, путают два значения термина «национальность», а именно 1) государственную принадлежность и 2) этническую принадлежность. Во втором случае речь идет о *чувстве* принадлежности к тому или иному этносу, которое выражается в этническом самоопределении, т.е. в отнесении индивидом себя к данной этнической группе.

Большинство опрошенных мною московских мигрантов-исмаилитов (85,3 %) признают, что, несмотря на указанную в паспорте национальность «таджик», они считают себя *этническими памирцами*. При этом некоторые еще добавляют: «я – шугнанец» или «я – рушанец» и т.п.

Если у жителей Памира на родине совершенно отчетливо проявляется локальная,

множественная идентичность, которая закрепляется в указанных выше этнонимах, то в России выходцы из Горного Бадахшана придерживаются единой, общепамирской идентичности, называя себя «памирцы». Языком межгруппового общения здесь однозначно выступает шугнанский. Даже ваханцы, язык которых отличается от шугнанского, стараются говорить по-шугнански.

Вместе с тем практически все памирцы-мигранты на официальном уровне (в миграционных, правоохранительных и других органах) называют себя таджиками, согласно паспортным данным. Однако в неофициальной обстановке всегда поясняют, что они – памирцы, а не таджики. Это подтверждает мысль о том, что идентичность – подвижная категория и подвержена изменениям в зависимости от жизненных ситуаций, через которые проходят группы и индивиды.

Урбанизированная иноэтничная и иноконфессиональная среда создает свои особые условия существования, которые могут, с одной стороны, трансформировать присущие памирцам социальные связи, а с другой – приводить к нивелированию этнических особенностей. Однако, как показывают мой опыт и непосредственные наблюдения, с большинством памирцев этого не происходит: для них этническая принадлежность остается весьма актуальной.

Памир – агрокультурный регион. А как показывают результаты многочисленных исследований, этническая идентичность естественнее и дольше сохраняется именно в сельской среде обитания, нежели в городских условиях, где процессы модернизации более динамично изменяют складывавшийся в течение поколений традиционный социальный уклад. Как указывалось выше, большинство прибывших в Россию трудовых мигрантов – выходцы из сельской местности. Их традиционные стереотипы мышления и поведения, что и составляет в основе своей этническую идентичность, способствуют значительной консервации памирских этнокультурных особенностей и родного языка.

В результате вынужденной миграции памирцы проживают в России в условиях «диаспоры»¹⁷ и не имеют здесь районов компактного расселения по типу Chinatown в западноевропейских или американских городах. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное – целью большинства мигрантов-памирцев являются не социокультурная адаптация и принятие российского гражданства, а «добывание» в России материальных ценностей

для отправки их находящимся на Памире семьям и, в конечном счете, возвращение на родину.

Таким образом, вопрос о сохранении этнической идентичности стоит в рассматриваемом мною регионе не перед всей памирской диаспорой, а только перед отдельными индивидами, стремящимися остаться в России и получить российское гражданство, или молодыми людьми, родившимися от браков памирцев с русскими. Вместе с тем число тех и других в общей массе находящихся на территории России памирцев очень незначительно. Хотя некоторые дети, родившиеся уже от брака памирцев с русскими женщинами, уже теряют свои этнические и религиозные корни.

Процесс аккультурации памирских исмаилитов в России происходит по трем направлениям: ассимиляция, маргинальность и интеграция. На сегодняшний день число ассимилированных памирцев в России незначительно. Однако тенденция к этому, на мой взгляд, существует. И главная причина этого – межнациональные браки с русскими (или русскоязычными).

«Еще в 1991 году я поехал в Россию с целью учебы. Потом последовал резкий развал Союза, и нельзя было продолжать учебу, и я устроился на работу. Работа была самая разная, но неквалифицированная. В основном я проживал и работал в Нижнем Новгороде. Потом, после 1992 и в последующие годы, хлынул поток мигрантов разного рода – кто-то бежал от войны, кто-то от трудной жизни... И, конечно, оказавшись здесь, каждый устраивался, как мог. Многие пошли в деревни и остались там. В деревнях у них (у русских. – *Т.К.*) тоже трудно, нет молодых мужчин, плохие дороги, большие снега и т.д.

И вот я повидал многих, которые оседали в деревнях, вынуждены пожениться на ком-нибудь из местных баб и полностью приняли, к несчастью, негативный образ жизни русского деревенского мужика. Когда мне показали таких мигрантов, я просто не узнавал в них своих земляков. Это был типичный русский деревенский мужик с соответствующей формой одежды (фуфайка, кепка, с самокруткой во рту и т.д.), который постоянно пил самогонку с картошкой, что-то делал по хозяйству...» (Дилдор Н., 42 года, мигрант из Хорога, в России проживает 13 лет).

Точных данных о том, сколько мужчин-памирцев в России женаты на русских и

представительницах других национальностей, нет. Подобная статистика никем не ведется. Можно только предположить, что в Москве, например, ими заключено до 1 тыс. национально-смешанных браков. На втором месте по числу таких брачных союзов стоит г. Самара.

Для сбора данных об этнической и религиозной идентичности памирцев, состоящих в национально-смешанных браках, мною был использован метод включенного наблюдения. Однако мои попытки проинтервьюировать их осложнялись тем, что я не получал откровенных ответов на поставленные вопросы. Например, на вопрос о том, как браки с русскими влияют на религиозную идентичность памирцев, мои собеседники отвечали, что межнациональные браки не сказались отрицательно на их религиозном сознании. В то же время из других источников я узнавал, что выходцы из Горного Бадахшана частично утратили свою религиозную идентичность в таких браках.

Следует сказать, что большинство мужчин, женатых на русских, редко посещают общину и также редко или почти не участвуют в религиозных праздниках. В их семьях доминирует русская жена, а мужу-памирцу отводится подчиненная роль, поскольку он, как правило, является примакком. В конечном счете, такой памирец-исмаилит сначала перестает встречаться со своими земляками, а затем у него под влиянием окружающей иноконфессиональной среды ослабевает интерес к исмаилитской вере, и он становится, с религиозной точки зрения, маргиналом, или «манкуртом», как говорили мои информанты.

Количество межнациональных браков среди памирцев России, несомненно, будет возрастать. И проблема самоидентификации наиболее остро встает перед детьми, родившимися в национально-смешанных семьях. Как уже говорилось, большую роль в самоидентификации ребенка играет этнокультурное окружение, а также структура семьи и распределение ролей внутри нее. В настоящее время такая семья проживает в отрыве от памирской общины, отец-памирец большую часть времени проводит на работе, а дети общаются в основном с матерью – русской, которая выступает в качестве главного агента социализации. В этом случае дети говорят по-русски и не владеют родным языком отца, они принимают крещение и ничего не знают о вере своего родителя. У них нет друзей-памирцев среди сверстников. Таким образом, с детства эти лица идентифицируют себя как русские и как христиане.

«Я не хотел бы жениться на москвичке. Я хочу, чтобы моя жена была памиркой. Но, как говорится, в таких вещах все решает судьба. Не всегда это зависит от нас. Даже если жена моя будет русской, мои дети будут знать родной язык их отца, а также наши памирские обычаи и, конечно же, исмаилизм» (Давлат Я., 1972 г. рождения, мигрант из долины Бартанга, выпускник политехникума, в Москве с 1997 г.).

Известно, что формирование этнической идентичности начинается с детства и заканчивается в подростковом возрасте. Но это не означает, что она не подвергается определенным трансформациям на протяжении жизни человека. В дальнейшем может быть принята национальность другого родителя, но в этом случае мы говорим о декларируемой идентичности. Что же касается самовосприятия, то есть основания предполагать, что жизненные обстоятельства могут вызвать кризис идентичности и даже привести к маргинализации сознания, когда человек ощущает себя принадлежащим одновременно к двум культурам, не может однозначно причислить себя к одной из них, несмотря на возникающую время от времени потребность сделать это.

В некоторых случаях мужчины-памирцы, женатые на русских женщинах, сами хотят, чтобы их дети считали себя русскими. Они готовы пожертвовать исмаилитской идентичностью ребенка во имя его спокойной жизни.

«Как-то пришел в гости к одному знакомому памирцу, у которого жена – русская, и у них есть сын, и увидел у мальчика крестик на шее. Спрашиваю: “Это что?”, а тот в ответ: “Крестик, я же крещеный, меня бабушка в церкви крестила”. Бабушка как раз была дома, я ее спрашиваю: “Как же так, у него отец – памирец, он – мусульманин”. А она даже обиделась. “Ну и что, – говорит, – что мусульманин, внук будет жить в России и зачем ему ваше мусульманство?” Видя мое удивление, знакомый развел руками, дескать, да пусть, мне-то какая разница» (Алмуз Д., 1965 г. рождения, мигрант из Рошткалинского р-на, женат, дети и жена живут в Душанбе).

Приведу еще один пример. У шугнанца Нурали К. и его русской жены в мае 2004 г. трагически погиб полуторагодовалый сын Максим. Родители не могли договориться между собой о вере ребенка. Мальчик умер, не будучи ни мусульманином, ни православным христианином. Его похоронили на христианском кладбище с православным крестом,

но без соответствующего церковного отпевания. Вместе с тем был приглашен халифа (духовное лицо у исмаилитов), который читал заупокойную молитву (*джаноза*) над покойным младенцем. В итоге похороны были и не мусульманскими, и не христианскими.

Говоря о детях, родившихся на Памире и приехавших в Россию вместе с родителями, можно констатировать, что каждый проведенный здесь год очень многое значит для них. От взрослых и прежде всего от родителей зависит, сохранит ли их ребенок в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения свою культурную идентичность или же маргинализируется. Безусловно, дети не виноваты в том, что они идентифицируют себя не с памирцами, а с русскими. Некоторые семьи памирцев с детьми приехали в российские города в начале 1990-х гг., когда еще не стоял вопрос об ознакомлении детей с основами исмаилизма, с традициями и обычаями их предков.

Каковы же факторы, которые позволили бы памирцам-исмаилитам сохранить свою этническую и религиозную идентичность в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения?

Прежде всего это – родной язык, именно его ученые-этнологи считают одним из основных факторов, способствующих сохранению этнической идентичности. Правда, в основном они имеют в виду скорее символическое значение языка, а не его фактическое употребление всеми членами конкретной группы.

Кроме того, как это ни парадоксально, укреплению у выходцев из ГБАО этнического и религиозного самосознания в какой-то степени способствуют тяжелые условия пребывания в иноэтничной и иноконфессиональной среде, особенно в таком мегаполисе, как Москва.

Вместе с тем, проживание выходцев из ГБАО в иноэтничной среде создает опасность утраты ими религиозной идентичности, на мой взгляд, значительно в большей степени, чем этнической. На родине, в условиях однородного окружения, т.е. соотечественников, родственников и близких, памирец имеет естественную возможность соблюдать религиозные обряды и предписания. В России, в отрыве от естественной религиозной среды, он не всегда может в полном соответствии с исмаилитской традицией осуществлять отправление религиозных культов (отсутствие халифы, соответствующих условий и т.д.).

(Из интервью автора с Давлатбегим Г., 1947 г. рождения, уроженкой Ишкашимского р-на, работающей в Москве врачом-педиатром:

Т. Каландаров: Вы предписания исмаилизма соблюдаете тут, в Москве?

Давлатбегим Г.: Да, полностью соблюдаем: и я, и мои дети.

Т. Каландаров: А, может быть, отказаться от этих предписаний, чтобы быстрее ассимилироваться с русскими? Я имею в виду в первую очередь Ваших детей? Тогда они не будут чувствовать себя среди русских чужаками?

Давлатбегим Г.: Нет. Где бы мы ни находились, мы должны соблюдать свои предписания и традиции. Мы дома разговариваем на шугнанском языке. Все мои дети читают дуо, и мы все соблюдаем все исмаилитские нормы поведения).

Как полагают исследователи, религия способна поддерживать чувство этнической идентичности. Однако подрыв основополагающих религиозных представлений у памирцев, на мой взгляд, может вести к ослаблению этнической идентичности и, как следствие этого, – к снижению и индивидуальной, и коллективной выживаемости. В условиях, в лучшем случае, нейтрального (в худшем – враждебного) отношении части россиян к мигрантам из Средней Азии, несовершенства российского миграционного законодательства, преследований со стороны правоохранительных органов и т.д. сохранить религиозную идентичность памирцы-исмаилиты смогут только объединившись в этноконфессиональную общину (*джамоат*).

Как известно, община в широком смысле представляет собой объединение людей, связанных общими интересами (например, сельская, земледельческая, религиозная и др.). В этнокультурной традиции памирцев соседская община (авлод) всегда играла доминирующую роль. Это объясняется как условиями географической среды (расселение памирцев в горных долинах), так и экономическими причинами (малоземелье, трудности производства сельхозпродукции на гористой местности и др.). Наличие общины предполагает существование общинной взаимопомощи и общинного, т.е. коллективистского сознания. Эти установки сохранялись на всем протяжении миграций памирцев-исмаилитов за пределы своей исторической родины. Они бытуют и до настоящего времени в среде «русских» выходцев из ГБАО.

В масштабе кишлака происходит объединение по принципу принадлежности к той или иной махалле, в районе – к тому или иному кишлаку, в области – к району, в республике – к области. Иногда этот принцип проявляется больше с негативной стороны, чем с положительной.

По наблюдению многих, мигранты-памирцы работают и живут по признаку своей махаллы, помогают только своим. Бывают даже стычки (как правило, по пьянке, что тоже, к сожалению, имеет место среди некоторых мигрантов). Например, кого-то, возможно, и справедливо наказали, но это воспринимается как необоснованная обида “своего”, и за него заступаются (порой необоснованно) его земляки... При трудоустройстве опора на своих считается в мигрантских кругах надежнее (наверное, из-за трудностей или же, скорее всего, потому что “свои” надежнее)» (Бахтибек Бердов, председатель Санкт-Петербургской межрегиональной общественной организации «Памир»).

Община становится для трудовых мигрантов «малой родиной», где земляки чувствуют себя комфортно: могут устраивать совместные молитвы, проводить собрания, отмечать религиозные и другие праздники и т.д. Памирцев в российских городах можно рассматривать как малую этноконфессиональную общность.

ОБЩИНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАМИРЦЕВ-ИСМАИЛИТОВ В РОССИИ

Общины памирцев-исмаилитов существуют во всех российских городах, где есть выходцы из ГБАО, независимо от их численности. Вместе с тем региональные общественные организации, зарегистрированные в Министерстве юстиции РФ, имеются только в трех городах. В Москве это упоминавшаяся организация «Нур» («Свет»), в Санкт-Петербурге – «Памир», в Екатеринбурге – «Дидор» («Лицезрение»). В настоящее время планируется создать общественные организации и в ряде других городов России.

Остановимся на деятельности некоторых памирских общин. Московская, включающая и Московскую обл., – самая большая в России. Ее опыт и деятельность служит примером для других российских региональных общин памирцев-исмаилитов. Созданная при общине РОО «Нур» с самого начала ставила перед

собой задачу осуществления культурно-просветительских функций. Вместе с тем эта организация со времени основания занималась и до сих пор продолжает заниматься социальными и юридическими проблемами земляков – от информирования их о наличии рабочих мест до написания ходатайств в те или иные муниципальные, правоохранительные и другие организации.

Проводимые московской общиной встречи в арендуемых залах кинотеатров (два раза в месяц), концерты и экскурсии, совместное празднование исмаилитских праздников и многое другое не только способствуют консолидации памирцев в условиях иной этноконфессиональной среды, но и позволяют им сохранить свою принадлежность к Памиру. Община – это своеобразный памирско-исмаилитский микромир, который способен

поддерживать приезжающих морально, а иногда и материально, в некоторых случаях защитить юридические интересы мигрантов.

В 2004 г. в целях улучшения работы московской общины мною был проведен опрос 500 мигрантов-исмаилитов, проживающих в Москве и Московской обл. На вопрос, кто поможет решить проблемы памирских исмаилитов в России, 65,3 % от общего числа респондентов ответили: «Фонд Ага-хана», хотя данный фонд не функционирует в России. Приведенный процентный показатель свидетельствует о том, что большинство исмаилитов связывают свои надежды именно с Фондом Ага-хана. Следует оговориться, что, говоря о помощи фонда, респонденты имели в виду прежде всего кредитование и инвестирование проектов в России с его стороны (см. табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Кто поможет решить проблемы памирцев-исмаилитов в России?»

Варианты ответов	Органы власти РФ	Органы власти Таджикистана	Органы власти республики и России по взаимной договоренности	Фонд Ага-хана	Международные организации по правам человека (ООН, ОБСЕ и др.)	Памирская община в России	Никто, кроме самого человека	Затрудняюсь ответить	Сумма
Число ответивших	24	10	34	196	18	40	54	16	392
%	8	3,3	11,3	65,3	6	13,3	18	5,3	130,5

Поскольку небольшая часть мигрантов-памирцев в Москве и Московской обл. сомневалась в необходимости функционирования общины, мне хотелось убедиться в том, насколько ее деятельность важна для мигрантов. С этой целью мною был проведен

опрос 300 выходцев из ГБАО, которым предстояло ответить на вопрос, посещают они или нет (и по какой причине) памирскую общину в Москве. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Результаты опроса представлены мною в табл. 4.

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Посещаете ли Вы памирскую общину в Москве?»

Варианты ответов	Да	Нет, потому что я о ней ничего не знаю	Не посещаю, потому что ее деятельность мне не нравится	Не посещаю, потому что не вижу в этом смысла	Не посещаю, потому что нет возможности	Сумма
Количество	120	66	4	11	99	300
%	40	22	1,3	3,7	33	100

Как следует из таблицы, 40 % от общего числа респондентов ответили положительно на поставленный вопрос. 5 % противников функционирования общины – это главным

образом маргинализовавшиеся памирцы и немногочисленная группа разбогатевших в России выходцев из ГБАО, для которых памирская община не представляет интерес.

«У памирцев до недавнего времени не было опыта жить общинной жизнью за границей. Вот наши исмаилиты из других стран, когда приезжают в другое государство, первым делом ищут джамоатхона (мольельный дом) и исмаилитов. А у нас пока не выработалась такая система и отсутствует такая традиция. Я думаю, что число недовольных нашей работой больше 5 %. Еще одна проблема – это некомпактное проживание наших земляков. Очень сложно работать с людьми, когда они разбросаны по всему городу» (Богшо Лашкарбеков, председатель московской региональной общественной организации «Нур»).

33 % опрошенных не имеют возможности посещать общину. В беседах с памирцами разных возрастов и с разным уровнем образования мне приходилось слышать одни и те же слова. Суть их сводится к тому, что многие мигранты из-за большой загруженности на работе (на строительном производстве, в сфере обслуживания – кафе, палатки – и торговли на рынках), постоянного недосыпания и усталости не только не могут принимать участия в мероприятиях, проводимых общиной, но и не всегда соблюдают традиционные для памирцев на родине этноконфессиональные ритуалы и обычаи. Мои собеседники говорили: «Лучше мы будем лишний день работать и отправлять своим семьям деньги, чтобы они нормально отмечали религиозные праздники на родине». Не посещают общину и те, кто не имеет регистрации в Москве и Московской обл. Они боятся лишний раз попасть в милицию или быть депортированными из России.

«Причин неучастия в жизни джамоата, по-моему, две. Во-первых, это отсутствие традиции джамоатской жизни за пределами родины. Семьдесят лет гонений на религию, конечно, не остались без последствий. Во-вторых, это нестабильная политическая обстановка в Москве. Я имею в виду проверки документов и взимание штрафов, а также депортации памирцев. К тому же многие наши ребята работают без выходных и не могут посещать все наши мероприятия» (Богшо Лашкарбеков, председатель московской региональной общественной организации «Нур»).

Учитывая занятость большинства мигрантов, сложности с пропиской, регистрацией и другие проблемы, 40 % – в целом хороший показатель, свидетельствующий о важности для мигрантов существования общины.

По сложившейся традиции, исмаилитская община Москвы два раза в месяц (по воскресным дням) собирается на свои встречи. Они начинаются с чтения общей молитвы (дуо). Кроме того, пришедших знакомят с фирманами Ага-хана IV, с историей ислама или исмаилизма. Обсуждаются повседневные вопросы.

Московская община организовала для детей памирских мигрантов так называемую воскресную школу «Ахлок ва маърифат», которую по субботам регулярно посещают более 30 учеников в возрасте от 8 до 17 лет. Занятия проводят по программе «Та'лим» («Обучение»), разработанной Институтом исмаилитских исследований в Лондоне, опытные преподаватели, прошедшие курсы подготовки учителей «Ахлок ва маърифат» в Хоруге или Душанбе, а также аспиранты-памирцы, обучающиеся в научных институтах Российской академии наук в Москве.

Уроки в воскресной школе проводятся на русском языке, хотя книги написаны на таджикском. Учащиеся не владеют таджикским языком, некоторые из них знают родной и практически все – русский язык. В Москве и области среди памирцев возникла своего рода «мода» общаться с детьми на русском. Иногда можно наблюдать случаи, когда мать ребенка, сама недостаточно хорошо владеющая русским, пытается разговаривать с ним именно на этом, а не на родном, языке.

«Когда дети были маленькими, я разговаривал с ними на ваханском. А вскоре после того, как они пошли в школу, они постепенно начали со мной разговаривать на русском. Между прочим, между собой дети теперь говорят на русском. С младшей дочкой все мы разговариваем на ваханском. Но думаю, когда она пойдет в школу, и она с нами будет говорить по-русски. Меня радует, что все мои дети знают ваханский язык. А мой старший сын Мавлодод знает еще и таджикский язык» (Богшо Лашкарбеков, председатель московской региональной общественной организации «Нур»).

«Дома надо общаться со своими детьми на родном языке. Хотя русский язык, конечно, тоже нужно учить. Моим учителем в Институте искусств был Мехроров Захроб, сейчас он – ведущий режиссер в Таджикистане. Его мать Силсиламо – сестра нашей Майсары Дилдоровой (заслуженная артистка РТ – Т. К.). У учителя обе дочери учились в Душанбе в русской школе, но при этом они знали и таджикский, и шугнанский языки. Когда дочери Мехророва приехали в

Москву, одна из них познакомилась с иностранцем – турком и вышла за него замуж. Вторая дочь вышла замуж за русского и живет тут, в Москве. Я думаю, это вполне нормальное явление» (Бахтиер К., 1963 г. рождения, по образованию – искусствовед, в Москве работает бригадиром в немецкой строительной фирме).

Некоторые дети, впервые пришедшие в воскресную школу, не имели ни малейшего представления о религии своих предков – исмаилизме. Со временем они смогли приобщиться как к исмаилитской культуре, так и к исмаилитской этике. Нередки случаи, когда учащиеся, посещающие воскресную школу, заставляют родителей менять их планы, намеченные на субботы. В итоге взрослые вынуждены считаться с тем, что их дети занимаются важным делом, проходя подготовку в воскресной школе. Таким образом, школа становится важной притягательной силой для детей памирцев-исмаилитов.

«Если по необходимости иногда моя дочь Мехрангез должна быть дома в день занятий “Ахлока”, я ее прошу остаться дома. После этого она целый день бывает расстроенной, случается, даже плачет. С первых дней учебы ребята приобрели здесь две вещи: с одной стороны, новых друзей – все они как братья и сестры, а с другой – религиозные знания» (Богшо Лашкарбеков, председатель московской региональной общественной организации «Нур»).

У многих моих респондентов из московской общины памирцев-исмаилитов вызывает беспокойство отсутствие у их друзей среди сверстников-исмаилитов. Если на Памире дети постоянно находятся в естественной для них культурной среде и испытывают на себе влияние исмаилитской этики и обрядов, а также непосредственно знакомятся с традициями дедов и отцов, то в Москве и области они лишены этой возможности. Именно поэтому, как говорят респонденты, для воспитания памирских детей в духе исмаилизма и патриотизма важны программа «Та’лим» и участие подрастающего поколения в религиозных праздниках и других общественных мероприятиях, проводимых общиной.

(Из интервью автора с Джонибеком А., 1971 г. рождения, мигрантом из кишлака Питоб Шугнанского р-на:

Т. Каландаров: Что Вы можете сказать о памирских традициях? Вы соблюдаете их здесь?

Джонибек А.: Да, соблюдаю. Я, моя жена и сын, которому пять лет, а также ребята,

с которыми мы снимаем в Москве квартиру, – все мы отмечаем религиозные праздники вместе с джамоатом.

Т. Каландаров: Как Вы думаете, так ли уж важно соблюдать на чужбине памирские традиции?

Джонибек А.: Думаю, это очень важно. Это не только наша обязанность. Мы должны и детям передавать традиции наших предков.

Т. Каландаров: Вот у Вас есть пятилетний сын. Как я понял, Вы за то, чтобы и он придерживался традиций памирцев?

Джонибек А.: Безусловно. Я в этом ничуть не сомневаюсь.

Т. Каландаров: Но ведь Ваш сын живет сейчас в России. Зачем ему знать эти традиции и придерживаться исмаилитской веры?

Джонибек А.: По-моему, он просто обязан знать наши традиции, а уж тем более быть исмаилитом. Я думаю, если мы останемся тут надолго, у нас будет возможность обучать его всему этому. Наверное, надо открывать тут школы для памирцев или занятия «Ахлок ва маърифат»).

В планы московской общины входит открытие воскресных школ в Подмосковье.

Санкт-Петербургская община, как уже говорилось, насчитывает около 1 тыс. памирцев. Ее деятельность координируется региональной организацией «Памир». Взрослые члены общины собираются, как и в Москве, по воскресным дням. Для проведения досуга арендуется спортивный зал, где пришедшие могут играть в волейбол, баскетбол или заниматься разными видами борьбы.

По воскресеньям дети посещают в арендованном помещении уроки под названием «История и культура исмаилитов Памира». Занятия проводят аспиранты-памирцы, обучающиеся в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и научно-исследовательских институтах РАН.

Осенью 2004 г. во время командировки в Самару, где проживает около 1,5 тыс. мигрантов из ГБАО, я беседовал с председателем местной памирской исмаилитской общины Бахромом Курбоновым – гражданином России, прописанным в этом городе. Он говорил о планах открытия воскресной школы для детей и создания рабочих мест для взрослых памирцев. По его словам, самарская община готова при соответствующем финансировании со стороны Организации Ага-хана по развитию – ОАХП (Aga-Khan Development Network – AKDN) привлечь памирских трудовых мигрантов на работу на

фабриках, заводах, чтобы они получали нормальную зарплату.

В декабре 2002 г. по инициативе московской общины для координации действий всех памирских организаций на территории России был проведен теоретико-практический семинар. Большинство представленных на нем докладов и сообщений посвящалось актуальным вопросам жизнедеятельности общин. Председатель РОО «Нур» Богшо Лашкарбеков ознакомил участников встречи с деятельностью возглавляемой им организации. О деятельности таджикской общины в Тверской обл. рассказал ее председатель Мукум Майбалиев. С опытом работы бадахшанско-таджикской диаспоры Санкт-Петербурга участников семинара познакомил Бахтибек Бердов. Выступление председателя РОО «Дидор» Хушвахта Хайдарова было посвящено памирским трудовым мигрантам в Екатеринбурге.

В ноябре 2003 г. в Твери прошла конференция представителей памирских общин России. Помимо текущих проблем на ней обсуждался и вопрос о создании единой общероссийской организации памирцев. Однако до практического решения этого вопроса не дошло. В повестку дня, на этот раз уже в организационном плане, вновь стала проблема этнической идентичности. Часть лидеров и рядовые члены общин, считающие, что памирцы в этническом отношении – это таджики, выступают за общетаджикское объединение. Другие предлагают создавать сугубо памирскую исмаилитскую организацию.

В последние годы под эгидой посольства Таджикистана в Москве предпринимаются определенные шаги к объединению всех таджикских организаций сначала в масштабах Москвы, а в дальнейшем и всей России. Пока сотрудникам посольства не удастся это сделать: регионализм, который существует в Таджикистане, сохраняется и в России.

Возможно, Таджикистан – единственная страна, которая имеет в Москве свои общественные организации, созданные по региональному принципу. Это свидетельствует о том, что таджики расколоты на региональные группы не только в Москве, но и в самой республике.

Как бы то ни было, в случае создания общепамирской общины в России перед ней с неизбежностью встанут такие серьезные проблемы, как создание финансовой базы, решение социальных вопросов, поиск монопольного положения в одной из сфер жизнедеятельности (в московском мегаполисе это может быть строительство или что-то иное).

Не в последнюю очередь предстоит заняться созданием позитивного имиджа общепамирской общины и т.д.

Кроме того, одна из целей создания общепамирской общины – это сохранение и актуализация выходцами из ГБАО своей культурной идентичности. Тема сохранения этнической и религиозной идентичности постоянно присутствует в выступлениях памирских историков, обществоведов на проводимых в России собраниях, совещаниях и других публичных мероприятиях, в беседах памирцев друг с другом.

(Из интервью автора с Давлатбегим Г., 1947 г. рождения, уроженкой Ишкашимского района, работающей в Москве врачом-педиатром:

Т. Каландаров: Как Вы думаете, что нужно делать памирцам, чтобы их жизнь здесь улучшилась?

Давлатбегим Г.: Конечно, нашим соотечественникам тут очень сложно. Нам надо вместе решать наши повседневные проблемы. Вот хорошо, что здесь работает программа «Та'лим». Наши дети собираются тут, вместе учатся. Я вижу, им очень хорошо здесь.

Было бы замечательно, если бы нам выделили землю. То есть жить вместе, чтобы были свои школы, свои больницы и т.д. Тогда лучше сохранить свою национальную и религиозную принадлежность.

Т. Каландаров: Некоторые памирцы думают, что чем быстрее они забудут о своей национальности и религии, тем легче им станет жить в России. Что Вы по этому поводу думаете?

Давлатбегим Г.: Я считаю, что одно дело, когда наши дети получают тут, в России, знания, а другое дело – наша национальная и религиозная принадлежность. Мы не должны забыть все свое, в том числе нашу веру. Это очень важно).

Пока стоит вопрос о создании общепамирской общины, во всех джамоатах на территории России стараются сохранить свою религию – исмаилизм и связанные с ней религиозные практики, т.е. обряды, молитвенные действия и т.д.

В последнее время в различных российских городах стало больше заключаться браков между юношами и девушками с Памира. Мне пришлось быть участником более 10 свадеб памирцев-исмаилитов в России. Практически во время всех них молодожены старались соблюдать памирские народные обычаи и религиозные обряды. Во-пер-

вых, для совершения обряда бракосочетания приглашают халифу. Причем невеста в это время в национальном платье с закрытым лицом. Присутствуют, как правило, по два свидетеля со стороны жениха и невесты. Одним словом, молодые стараются соблюдать те религиозные предписания и традиции, которые практикуются в подобном случае на Памире.

Свадьба памирцев в России, как, между прочим, и на родине, состоит из двух частей – это традиционная часть, т.е. та, которая практикуется у памирцев на протяжении многих столетий, и следующая вслед за ней вторая часть, которую я назвал бы современной. Если традиционная часть в российском городе проводится обычно на съемной квартире, то современная – в кафе или за городом, во дворе частного дома.

«На “чисто памирских” свадьбах я не присутствовал. Мне довелось быть на одной свадьбе, где ваханец женился на русской девушке. Они в России сыграли русскую свадьбу, а потом он повез ее в Вахан, и там они сыграли памирскую свадьбу уже со всеми традициями. Ее одевали там по памирским обычаям. Но это уже было все в Вахане» (Богшо Лашкарбеков, председатель московской региональной общественной организации «Нур»).

Под влиянием так называемых душанбинских памирцев, т.е. выходцев из ГБАО, проживающих в Душанбе, в российских городах вводятся некоторые ограничения в отношении времени проведения свадеб. Например, памирцы-исмаилиты стараются не устраивать свадьбы в месяце рамадан (ураза). Что касается заключения браков памирцев с русскими женщинами, то в этом случае так-же имеются свои временные ограничения: не играют свадеб в период христианского Великого поста (он длится 40 дней), а также в мае, поскольку у русских бытует предубеждение против женитьбы в мае (тяжелый, или «маетный» месяц). Считается: если отпраздновать свадьбу в мае, то всю жизнь брачующиеся будут маяться, т.е. терпеть неудачи.

Во всех российских городах, где есть памирские общины, проводятся обряды обрезания (*хатна*). Однако большинство мигрантов стараются отправить маленьких сыновей на Памир. При обрезании прибегают к услугам имеющихся практически во всех российских городах дипломированных врачей-исмаилитов из Таджикистана. Данный обряд, как и на родине, совершается на дому – разница заключается лишь в том, что в России особых церемоний и торжеств (как

это бывает на Памире) не проводится. На мой взгляд, это объясняется тем, что в христианском окружении родители-исмаилиты стараются не акцентировать внимание соседей на отличительных особенностях сыновей. В случае огласки ребенок-памирец может подвергнуться осмеянию или другим негативным воздействиям со стороны сверстников.

«На церемонии хонасур (так памирцы, в частности, шугнанцы, называют обряд обрезания. – Т. К.) я не был ни разу, так как почти все отцы своих детей отправляют на Памир, чтобы им делали хонасур. А что касается тех ребят, у кого русские жены, то они, по-моему, и не делают хонасур своим мальчикам. Я знаю ребят, у которых сыновьям по шесть–семь лет, но они не делают им обрезания» (Алмуз Д., 1965 г. рождения, мигрант из Рошткалинского р-на).

В памирских общинах нет дипломированных халифов, которые официально (например, при материальной поддержке членов общины) исполняли бы свои религиозные функции и духовно окормляли исмаилитов. Для проведения тех или иных религиозных обрядов или лечения памирцы прибегают к помощи халифов, которые по воле случая оказались в их регионе.

В России значительная часть трудовых мигрантов из ГБАО лишена возможности пользоваться медицинскими услугами (отсутствие страхового полиса и др.), поэтому знания и умения находящихся здесь халифов и мулло имеют большой спрос. Прежде всего к их помощи обращаются в случае неврозов и депрессивных состояний. Халифа в таких случаях нередко выступает в роли психолога. Он пишет больному *тумор* (*тиштов*) на отдельной бумаге, используя при этом книги, привезенные с собой из Таджикистана. Самая известная книга, которой используют при лечении, – это «Мачму-ут-давог» (Сборник дуа).

Во время сороковин по умершему (*худои*) приглашают халифу, который читает специальные суры из Корана. По традиции, которая сложилась у исмаилитов, живущих в Душанбе, умерших в России родственников также отправляют на родину. Поэтому обряды *да'вати фано* (поминки по усопшему), *чарогравшан* (проводы души умершего) не проводятся. Хотя во время прощания с телом умершего перед отправлением его на родину приглашают халифу или мулло, который читает отрывки из Корана за упокой души умершего.

(Из интервью автора с Мирзоджоном Меридиновым, 1952 г. рождения, урожен-

цем Шугнанского р-на, образование – высшее (инженер-гидротехник), в московской общине выполняет обязанности халифы:

Т. Каландаров: Когда Вы приехали в Москву?

М. Меридинов: Я приехал в феврале 2000 г.

Т. Каландаров: В Москве в качестве халифы сколько раз вы присутствовали на традиционных исмаилитских мероприятиях (*джаноза, никох, хатна*)?

М. Меридинов: Почти во всех религиозных мероприятиях, как обязательных (*фарз*), так и желательных (*суннаты*), я принимал участие: два раза в джаноза – первый раз во Владимирской, второй раз – в Брянской области. На *никох* и *хатна* я участвую два–три раза в месяц. По поводу исмаилитских суннатов имеется фирман Мавлоно Хазир Имама от 1957 г., в котором говорится о том, что последователям Имама следует везде и всегда соблюдать суннаты.

Т. Каландаров: Как Вы думаете, жизнь в Москве как-то влияет на религиозность молодежи? Если да, то как именно?

М. Меридинов: Большинство памирцев, которые живут и работают в Москве, – это главным образом молодые люди. Я думаю, будущее нашей родины зависит от них. По моему убеждению, если молодой человек считает себя исмаилитом, то жизнь в другой стране не должна оказывать на него отрицательное влияние. Хотя, как вы знаете, среди молодежи есть такие, которые под воздействием окружающей социальной среды употребляют алкоголь.

Правда, по этому поводу также есть фирман Имама, который он огласил в Бадахшане в 1995 г. Его суть заключается в том, что мы, по словам Имама, не должны бояться влияния иной общественной среды, а наоборот, учить своих детей стараться познать эту среду и в итоге получить пользу от этого познания. Как учит Имам, при помощи интеллекта и знаний следует себя готовить к социальным изменениям, в которых оказывается человек.

Конечно, негативные стороны быта в таком большом городе, как Москва, например, алкоголизм, наркомания, проституция и другое, отрицательно влияют на духовную, в том числе религиозную жизнь памирской молодежи. Наша задача состоит в том, чтобы не просто ознакомить молодых людей со всеми фирманами Имама, но и сделать так,

чтобы они стали для них руководством к действию.

Т. Каландаров: Когда вы говорите: «я – мусульманин», что под этим понимается?

М. Меридинов: Сеид Носир Хосров (один из активных проповедников исмаилизма в XI в. – *Т. К.*) в своей книге «Ваджи дин» так комментирует фразу «я – мусульманин»: Всевышний сотворил людей с чувством надежды и страха – в первом случае надежды попасть в рай, во втором – страха перед муками ада. Когда пророк Мухаммад призывал народ к себе, тот разделился на две группы: одни пошли за пророком с надеждой на то, что он – мессия, другие же приняли Мухаммада из страха перед его кинжалом. Таким образом, только одним произнесением шахады человек не может стать мусульманином. На мой взгляд, на первом месте все же стоит интеллект. Мавло (Ага-хан. – *Т.К.*) учит нас: разум – высший дар, данный человеку Всевышним. И наш интеллект не должен пострадать, и нам следует его всячески беречь. Об этом говорил Имам на дидоре в Бадахшане в 1998 г.

Т. Каландаров: Вы считаете себя в Москве таджиком или памирцем и почему?

М. Меридинов: На мой взгляд, лучше бы не ставился передо мной подобный вопрос. Во-первых, мне удивительно, если я – не таджик, то кто я? Памирец – это не национальность, этого не было и не будет. Каждый народ становится нацией тогда, когда у него есть национальная история. Все наши великие религиозные и светские деятели называли себя «форсу-тоджик» и писали на таджикском. Это Носир Хосров, Ибн-Сина, Хафиз, Санои, Мавлоно Руми, Шамс и другие. Таким образом, мы все на 100 % таджики – хотим мы того или нет.

Т. Каландаров: Некоторые думают, что чем быстрее мы забудем свой язык и свою религию, тем легче сможем адаптироваться в России. Ваше мнение на этот счет?

М. Меридинов: Я думаю, люди, которые так говорят или думают, – не мусульмане. Они – враги нашего мазхаба.

Т. Каландаров: По вашему мнению, какие первоочередные задачи нужны для развития нашего мазхаба в России?

М. Меридинов: Как говорится, «аклхоро аклхо При дихад, машварат идроку хушори дихад» (досл. пер. с тадж.: «Разуму помогает разум, советы дают пользу». – *Т. К.*). Община должна опираться на тех людей, которые знакомы с религиозной литературой и с суннатом. Только тогда мы сможем удерживать

жать свою молодежь в рамках исмаилизма, в противном случае они потеряют свою религию).

Во всех памирских исмаилитских общинах в России обязательно отмечаются следующие религиозные праздники: день рождения (13 декабря) и коронации (11 июля) имама Ага-хана IV и День Света («Нур») 24 мая, т.е. первый визит имама на Памир в 1995 г.

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что Россия, по мнению многих памирцев, и не только трудовых мигрантов, – наиболее благоприятная страна для проживания вынужденных мигрантов-исмаилитов. Они с разрешения российских феде-

ральных и региональных властей вполне могли бы создать свои анклавные районы в ряде областей и краев, где есть заброшенные территории.

За истекшее десятилетие среди памирцев выросли неплохие специалисты-строители (как рядовые рабочие, так и управленческий персонал), которые могли бы успешно заниматься возведением домов на заброшенных территориях. По мнению моих респондентов, при участии и с помощью исмаилитов Западной Европы, США и Канады памирцы могли бы открыть в крупных городах России, в первую очередь в Москве, строительный бизнес, а мигранты-строители работать и получать достойную зарплату.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ См.: Каландаров Т.С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). М., 2004.
- ² Бушков В.И., Каландаров Т.С. Исмаилиты Таджикистана: традиции и современность // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 6 (24). С. 130–135; Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины / Пер. с англ. М., 2003; Додихудоев Х.Д. Очерки философии исмаилизма. Душанбе, 1976; Каландаров Т.С. Исмаилизм как фактор стабильности на Памире // IV Конгр. этнографов и антропологов России. Нальчик, 2000 г.: Тез. докл. М., 2001. С. 267.
- ³ Каландаров Т.С. Современная этнополитическая ситуация в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан // V Конгр. этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 247.
- ⁴ Бушков В.И., Моногарова Л.Ф. Этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан в XX в. // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5. С. 215–224; Моногарова Л.Ф. Ассимиляция и консолидация памирских народов // Среднеазиатский этнографический сб. Вып. IV. Памяти Владимира Николаевича Басилова. М., 2001. С. 47–55.
- ⁵ Каландаров Т.С. Шугнанцы... С. 123–124.
- ⁶ Век покорения Бадахшана: Интервью с председателем хукумата Горно-Бадахшанской автономной области А. Ниезмамадовым // Огонек. 2001. № 81; «Не придете вы – придут другие»: Интервью с главой администрации Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана // Независимая газета. 2001. 3 окт.
- ⁷ Панфилова В. Нищая сокровищница: Как живут сегодня на «Крыше мира» // Независимая газета. 2001. 27 окт.
- ⁸ Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад. 2003 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2004. С. 401.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. Июль, 2003. Душанбе, 2003. С. 31.
- ¹¹ Новая газета. 2003. 16 дек.
- ¹² Миграция и право: Информ. бюл. М., 2002. № 3. Июнь.
- ¹³ См., напр.: Мартынова М.Ю. Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнограф. обозрение. 2004. № 1. С. 39.
- ¹⁴ Россия. 2003. 16 июля.
- ¹⁵ Брук С.И. Этнический состав населения России // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 28–29; Чешко С.В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 3–15; он же. Не публицистично, но и не научно (Ответ оппоненту) // Там же. 1989. № 5. С. 23–28.
- ¹⁶ См.: Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. Приложение 3: Категории переписного учета по этническому самосознанию Российской переписи 2002 г.
- ¹⁷ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнограф. обозрение. 2000. № 2. С. 63–83; он же. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 168–183; Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Там же. № 1. С. 162–184; Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001.